

Б. Б. ЗАСТЕРОВА

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ МИССИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОМОРАВСКОГО ГОСУДАРСТВА *

Обширные археологические исследования последних 25 лет, дополненные интенсивным изучением языка и истории, радикальным образом изменили существующие представления об историческом развитии Великой Моравии. В новом свете предстают прежде всего две проблемы: экономическое и общественное развитие и вопрос о распространении христианства до прибытия византийской миссии.

Систематическое изучение городищ и погребений выявило высокий уровень производства в Великой Моравии в первой половине IX в., а именно — существование специализированного ремесла, которое уже отделилось от сельского хозяйства. Некоторые городища можно рассматривать как агломераты городского характера. В их непосредственной близости, а также вне их округа были открыты усадьбы магнатов. Социальное расслоение в указанное время также зашло гораздо дальше, чем предполагали до сих пор. Доказано наличие дружины, причем не только дружины государя, но и магната. И все же пока еще отсутствуют необходимые доказательства существования в Великой Моравии в первой половине IX в. развитого феодального строя. Впрочем, высказывается точка зрения, что процесс феодализации уже шел в главных центрах великоморавского государства.

По-новому приходится говорить и об уровне христианизации этой страны в первой половине IX в., т. е. до прибытия византийской миссии. На городищах были обнаружены фундаменты каменных церквей различных строительных типов и различного происхождения. Всего до сих пор было открыто 17 церквей.

О том, что христианство пустило в Великой Моравии более глубокие, чем предполагали раньше, корни уже в первой половине IX в., свидетельствуют также филологические исследования. Они подтверждают, что в начале IX в. на славянский язык были переведены некоторые основополагающие церковные тексты и уже тогда выработана славянская церковная и юридическая терминология, которую могли перенять Константин и Мефодий. Отсюда следует, что баварские миссионеры, а также, вероятно, и миссионеры из истрийских областей уже пытались приобщить моравский народ к новой вере на его языке.

Чем в таком случае было вызвано появление византийской миссии в христианизированной стране, где в крепостях и магнатских усадьбах имелись христианские церкви и где — судя по почти повсеместному расположению скелетов в погребениях — христианство явно влияло на широкие слои народа?

Причина, побудившая Ростислава обратиться в далекую Византию с ходатайством о епископе и учителе, связана не с языком, на котором

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.).

говорили миссионеры, а с политическими целями. Видимо, в Моравии уже с 30-х годов IX в. существовала подчиненная Пассаускому епископству церковная организация в форме архипресвитериата; из источников следует, что представители баварского клира выражали интересы франкских государей. В. Вавржинек убедительно доказал, что предшественник Ростислава князь Моймир приспособился к такому положению и использовал хорошие отношения с Франкской империей для того, чтобы укрепить и расширить свое господство. Однако в изменившейся исторической ситуации планы Ростислава вступили в противоречие с Франкской империей: они были направлены на ликвидацию зависимости от могущественного соседа.

О попытках избавиться от влияния франкского клира говорит ряд мероприятий Ростислава: в 855 г., когда напряженные отношения с Франкской империей вылились в конфликт, он выслал баварский клир из страны. В начале 60-х годов Ростислав попытался получить для Моравии церковное управление из Рима, и лишь после того, как он не добился успеха в папской курии, он обратился с аналогичной просьбой к византийскому императору. Ростислав просил о «епископе и учителе», иными словами, о создании самостоятельной и независимой церковной организации, которая должна была положить конец вмешательству Франкской империи во внутренние дела Моравии и укрепить власть князя как внутри, так и за пределами его государства.

Во время этих переговоров стали обрисовываться и внешнеполитические аспекты, которые исследовали В. Златарский и Ф. Дворник: союз франков и болгар против Византии в связи с борьбой папской курии за церковно-правовые полномочия в Иллирике. Этот союз представлял собой угрозу Великой Моравии как со стороны Франкской империи, так и со стороны Болгарии. В этом историческом контексте вполне ясно, что византийский двор пошел навстречу просьбе Ростислава и послал в Моравию хотя и не епископа, но все же известных и зарекомендовавших себя своей предшествующей деятельностью лиц, а именно Константина и Мефодия, с заданием создать в Моравии необходимые предпосылки для организации церковного управления. Разумеется, лишь на следующем этапе там должен был быть утвержден диоцез, подчиненный константинопольскому патриарху.

Византийские миссионеры приступили к выполнению этого задания, имея собственный план: они стремились создать в Великой Моравии такие условия, которые позволили бы привлечь на ее сторону и включить в моравское государство другие славянские страны. Это в свою очередь должно было принести пользу византийской церкви, расширить сферу влияния византийской культуры и власти. Основная особенность этого далеко идущего плана заключалась в том, что средством к достижению указанной цели должна была стать славянская литургия.

Одновременно Мефодий стремился к тому, чтобы разработать определенную церковно-правовую основу для деятельности церковной миссии в Моравии. Об этом свидетельствуют переводы правовых памятников. Исследования Номоканона, переведенного Мефодием, показывают, что перевод представляет собой выборку из Синагоги Иоанна Схоластика, которая была обработана с учетом местных условий, так что можно говорить о «новом, великоморавском типе Номоканона». Й. Вашица датирует его возникновение временем борьбы за собственный, независимый от франкской иерархии диоцез, борьбы, в которой Мефодий опирался на нормы Номоканона.

К великоморавскому правовому наследию причисляют также так называемую анонимную Гомилию сборника Клоца, в которой Гривец и Вайан, независимо друг от друга, определили наставление Мефодия судьям-князьям. Анализ памятника показал, что речь идет о комментарии к Закону Судному людям, возникновение которого чехословац-

кие исследователи связывают и с великоморавской средой. Здесь не место спорить о том, является ли этот памятник по происхождению великоморавским, болгарским или македонским. Однако тот факт, что определенный слой его юридической терминологии лингвистически принадлежит великоморавскому времени, является доказанным. Следовательно, возможен вывод, что по крайней мере некоторые нормы этого законника были переведены на славянский язык уже в Моравии. В пользу этого говорит и пассаж из жития Мефодия, в котором Мефодий спорит с княжеским советником (где речь идет о законности брака, заключенного этим советником со своей крестницей).

Как недвусмысленно показывает Наставление Мефодия судьям-князьям, переводы юридических сочинений должны были служить надежной идеологической основой не только церковной организации, но и всего великоморавского государства. С точки зрения византийской концепции отношений между церковью и государством, которая предполагала обоюдное взаимопроникновение и тесную связь, это обстоятельство, т. е. ориентированность переводов юридических сочинений не только на церковь, но и на государство, было вполне естественно.

В интересах подъема моравского государства Мефодий достиг в конце концов всего того, чего ждал от него Ростислав. Став моравским архиепископом, он продолжал свою деятельность, несмотря на все препятствия, встречавшиеся на его пути. Но самостоятельная церковная администрация, с организации которой он начал, при существовавших исторических условиях была подчинена не Константинополю, к чему первоначально стремились как Ростислав, так и Византия, а римской курии.

Источники свидетельствуют, что моравская церковь во главе с Мефодием была опорой государства и во времена его быстрого роста при Святополке. Согласно историческим сообщениям, она готовила пути моравской экспансии в Паннонию, Богемию, польское Повисленье. Тем самым моравская церковь принимала активное участие в становлении империи Святополка.

Византийская миссия в Моравии играла роль государственно-образующего фактора, поскольку она создала такую церковную организацию, которая стала опорой великоморавского государства. Она пыталась ввести правовые нормы, опирающиеся на основы византийского права, т. е. вводила более прогрессивный общественный порядок, чем славянское обычное право. Наконец, она осуществляла грандиозную культурную программу, выходящую далеко за пределы первоначальных устремлений моравского государя и ставшую подлинным завещанием славянским народам, хотя и не непосредственно моравским славянам, для которых она была первоначально предназначена.